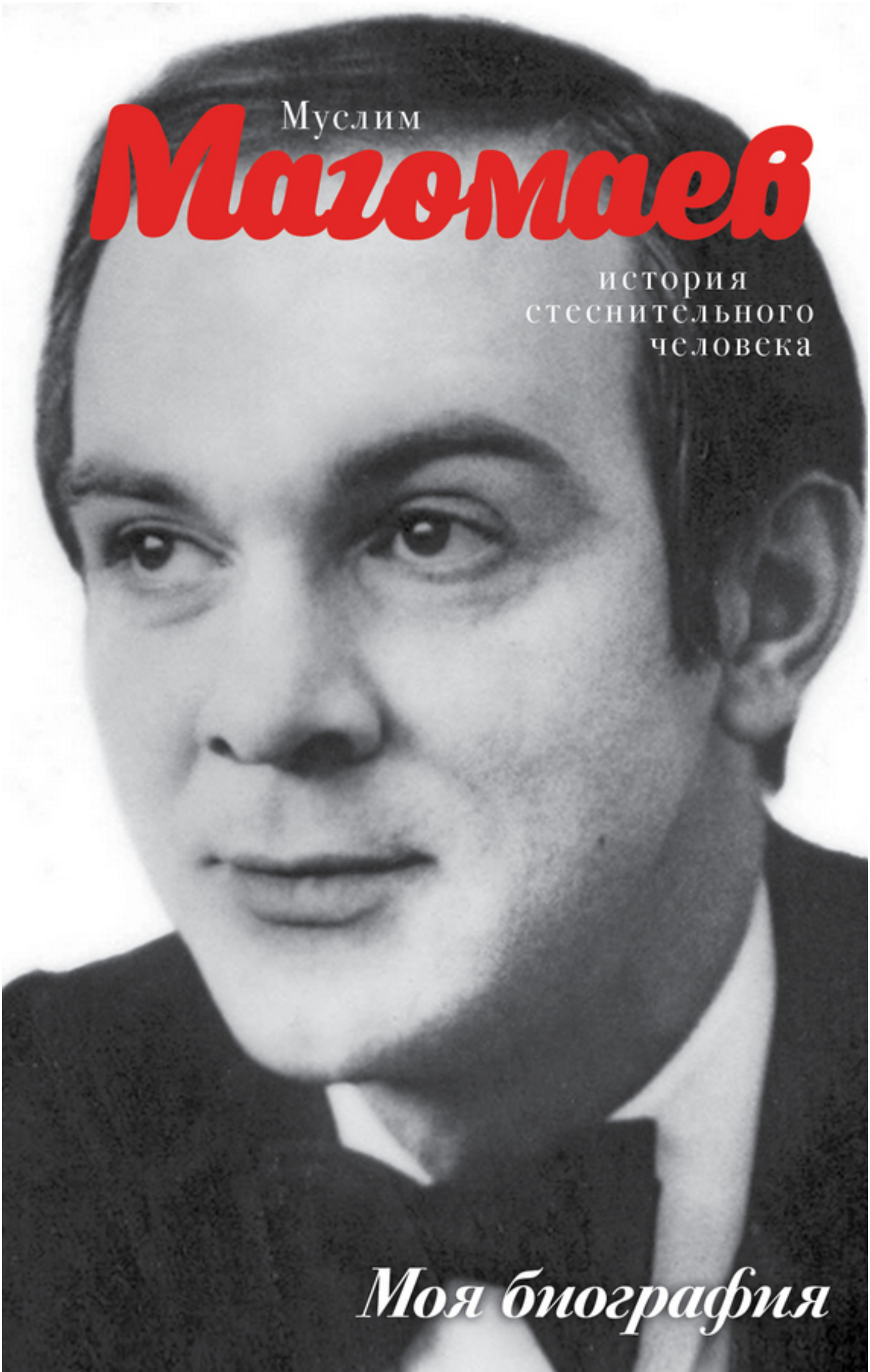
Муслим
Магомаев
история
стеснительного
человека
Моя биография

Моя биография

Екатерина Мешаненкова

Муслим Магомаев. История стеснительного человека

«Издательство АСТ»
2013

УДК 792.54 (447+57)(092)
ББК 85.314

Мешаненкова Е. А.

Муслим Магомаев. История стеснительного человека / Е. А. Мешаненкова — «Издательство АСТ», 2013 — (Моя биография)

ISBN 978-5-17-100414-9

Бывают артисты известные. Бывают знаменитые. Бывают звезды и суперзвезды. А бывают такие артисты, как Муслим Магомаев. Эта книга – биография человека-парадокса, человека-загадки, который при всей открытости и дружелюбии всегда и все делал не так, как другие. С его голосом и красотой ему прочили стать вторым Шаляпиным. Большой театр дважды приглашал Магомаева – в то время еще мальчишку, даже не окончившего консерваторию – стать у них солистом, а он отказался. Его жизненный путь не был устлан розами, но и победы и поражения его не похожи ни на чьи больше. Такой же особенной была и его любовь. Любовь к Тамаре Синявской. Он был такой один. Муслим Магомаев.

УДК 792.54 (447+57)(092)
ББК 85.314

ISBN 978-5-17-100414-9

© Мешаненкова Е. А., 2013
© Издательство АСТ, 2013

Содержание

Вступление 6
Глава 1 8
Глава 2 12
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Е. А. Мешаненкова
Муслим Магомаев. История стеснительного человека

© ООО «Издательство АСТ», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Если бы мне второй раз дали жить
на этом свете,
я бы все прожил точно так же…
Только не курил бы…
Муслим Магомаев

Вступление

…1967 год, Ростов-на-Дону. Огромный стадион на сорок пять тысяч зрителей гремит овациями – только что закончился концерт Муслима Магомаева, и теперь он в открытой машине совершает круг почета вдоль трибун. Поклонники хлопают, кричат, рыдают и протягивают руки к своему кумиру.

И вдруг кто-то не выдерживает и рвется вперед – да и как удержаться, ведь вот он, любимец всего Советского Союза, так близко, можно подбежать и попросить автограф, а может, даже и поцеловать… По рядам зрителей проходит движение, и вот за первым человеком несется уже целая толпа, а следом, обгоняя друг друга, расталкивая и наступая на ноги, бегут и люди с других трибун. Минуты не проходит, как машина оказывается в кольце фанатов, жаждущих прикоснуться к предмету обожания…

Начинается давка, слышатся крики, милиция пытается навести порядок, но безрезультатно. Толпа все напирает, и машина уже начинает трещать. Окруженный обезумевшими поклонниками, пытающимися потрогать своего кумира, а то и оторвать кусочек его одежды, Магомаев мысленно уже начинает прощаться с жизнью…

Но водитель, вовсе не желающий быть раздавленным за компанию, решается на отчаянный шаг – вновь заводит машину и трогается с места, несмотря на обступившее их плотное кольцо людей. Фанаты отступают, пытаются бежать, начинается паника, давка… но в конце концов певцу и его водителю удается вырваться со стадиона живыми и никого не задавив…

«Кругов почета» Магомаев с тех пор больше не делал и вообще старался держаться от поклонников подальше – после концерта он обычно тихо сбегал через запасной выход, чтобы его никто не увидел. А было ему тогда, в Ростове-на-Дону, всего двадцать пять лет, и впереди его ждали еще десятилетия славы…

Бывают артисты известные. Бывают знаменитые. Бывают звезды и суперзвезды. А бывают такие артисты, как Муслим Магомаев.

С его голосом и красотой ему прочили стать вторым Шаляпиным. Большой театр дважды приглашал его – в то время еще мальчишку, даже не окончившего консерваторию, – стать у них солистом, а он отказался. Уже в двадцать лет он прославился на всю страну и… тут же уехал на два года стажироваться за границу, совершенно не заботясь о том, что его могут за это время забыть. Его осыпал подарками иранский шах, директор парижского театра «Олимпия» уговаривал его остаться во Франции, сулил миллионы и мировую славу. Ему предлагали сыграть Вронского и Остапа Бендера. Он был депутатом Верховного Совета, хотя никогда не состоял ни в партии, ни даже в комсомоле…

Человек-парадокс, человек-загадка, при всей его открытости и дружелюбии он всегда и все делал не так, как другие. Его жизненный путь не был устлан розами, но и победы и поражения его не похожи ни на чьи больше. Он все делал так, как считал нужным, ни под кого не подстраиваясь и слушая только свою совесть и иногда своих друзей.

В наше время, когда каждого, кто мелькает на экранах телевизоров, принято называть звездой, трудно даже представить себе весь масштаб его славы в те годы, когда он был на пике популярности. Стоило ему открыто появиться на людях, и фанаты рвали его на части. Роберт Рождественский писал в 1980 году: «Я присутствовал на многих концертах, в которых пел Муслим Магомаев, и ни разу не было случая, чтобы ведущий успевал назвать полностью имя и фамилию артиста. Обычно уже после имени «Муслим» раздаются такие овации, что, несмотря на самые мощные динамики и все старания ведущего, фамилия «Магомаев» безнадежно тонет в восторженном грохоте. К этому привыкли. Как привыкли к тому, что уже одно имя его давно

стало своеобразной достопримечательностью нашего искусства… А еще к тому, что любая оперная ария, любая песня в его исполнении – это всегда ожидаемое чудо».

Но что такое слава – песок, уходящий сквозь пальцы. Сам Магомаев так к ней и относился – со снисходительной насмешкой. Он знал себе цену, не пытался принизить ни свой талант, ни свою популярность, не кокетничал в интервью, но и «звездной болезнью» никогда не страдал.

Когда его спрашивали о том, как он сам воспринимал свалившуюся на него славу, он отвечал: «Сиюминутная слава – это, конечно, приятно. И когда артисты говорят: «Мне все равно, любят меня или не любят!» – врут они! Причем нагло. Каждому артисту приятно, когда ему аплодируют, когда его ждут у входа, просят автографы… Но все эти звезды, которые сегодня модно вмуровывать в асфальт, – это же глупость! Ну закатали их. И ходит народ, твое имя ногами топчет. Зачем это нужно?.. Все мы на этой земле – временщики. За свои дела каждый из нас будет отвечать там, на небесах. А земная мишура – она уйдет».

Вот именно так – спокойно и даже философски – он и воспринимал свой творческий путь, путь истинного Артиста, и сейчас вызывающий у многих изумление, восхищение, зависть и… непонимание. И действительно, как его понять? Муслим Магомаев рано стал популярным, быстро превратился в кумира миллионов, уже в тридцать один год стал народным артистом СССР (самым молодым в истории), превратился в живую легенду, а потом, когда решил, что пришла пора… добровольно ушел со сцены.

Как такое возможно в нашем мире, где за сцену цепляются из последних сил, до самого конца, даже потеряв голос и последние остатки популярности? А Магомаев ушел. Сделал он это без показухи, без позерства, без многолетних «прощальных туров» по стране, без многократных возвращений «по многочисленным просьбам» – достойно и красиво, как и все, что он делал в своей жизни.

Он не терял голос, как пытались утверждать завистники, и доказал это, изредка участвуя вместе с женой, Тамарой Синявской, в праздничных концертах, а потом записав в 2007 году, всего за полтора года до смерти, песню «Прощай, Баку» на стихи Есенина. Хотя, конечно, сам Магомаев не собирался никому ничего доказывать, он был выше того, чтобы интересоваться сплетнями о себе. Просто он очень любил город, из которого был родом, и не мог отказаться от возможности сделать ему такой подарок.

Он всегда говорил: «Где бы мы ни жили, тоска по родному городу нас никогда не покидает». Вот и он до конца жизни, где бы ни жил, всегда оставался бакинцем, а непонятливым объяснял: «Бакинец – это особый характер, индивидуальность, особый стиль жизни. Разбросанные теперь, в силу разных жизненных обстоятельств, по многим странам, бакинцы, люди разных национальностей, стараются и там общаться между собой и по возможности хоть на несколько дней возвращаются в родной город».

И в то же время он был русским – русским певцом, актером, композитором. После распада СССР, когда во всех республиках бывшего Союза всколыхнулись националистические настроения, многие пытались на них спекулировать. Но только не Магомаев. Его позицией, можно даже сказать, почти его девизом всегда были слова, которыми он начал свою автобиографическую книгу: «Я горжусь своей родиной и люблю ее… И всю жизнь я раздваивался в этой своей любви: говорил, что Азербайджан – мой отец, а Россия – мать».

Только он мог такое сказать, не заботясь о том, кто и что о нем подумает и как это скажется на его популярности. И в этом весь он. Человек, всегда идущий своим собственным путем.

Он был такой один.

Муслим Магомаев.

Глава 1

У молодости отчаянный напор. Свои первые шаги мы делаем, не осознавая и не предвидя последствий, рвемся в неизвестность, сознательно закрывая на что-то глаза…

Родился Муслим Магомаев 17 августа 1942 году в Баку, в очень уважаемой и очень артистической семье. Его дед, который носил имя Абдул Муслим Магомет оглы Магомаев, был одним из основоположников азербайджанской классической оперы, хотя сам был родом из Чечни. Как гласит семейная легенда Магомаевых, их предка еще ребенком в XIX веке привез в Грозный сам Шамиль – легендарный предводитель кавказских горцев, национальный герой для всех дагестанцев и всех мусульман Кавказа. Откуда он привез этого ребенка, никто не знал, да это и не входило в планы Шамиля – его идея была именно в том, чтобы «перемешать» кавказцев, чтобы они наконец осознали себя не разными племенами, а единым народом. Мальчик вырос, стал кузнецом-оружейником и большим любителем музыки. Эту любовь он привил и своим детям – троим сыновьям и трем дочерям.

Его сын Абдул Муслим работал учителем в народной школе, но все свое свободное время отдавал музыке. К двадцати пяти годам он уже играл на восточной гармони, гобое и скрипке, руководил школьным оркестром и организовывал концерты, где исполнялись народные песни, шлягеры того времени, а также его собственные произведения. В 1911 году Абдул Муслим Магомаев переехал в Баку и с тех пор всю свою жизнь посвятил музыке, став в итоге одним из столпов азербайджанской культуры.

Женился Абдул Муслим на татарке по имени Байдигюль (весенний цветок), кстати, ее сестра была замужем за еще одним корифеем азербайджанской музыки, Узеиром Гаджибековым. Брак был счастливым, прожили они в любви и согласии до самой смерти Абдул Муслима в 1937 году, за пять лет до рождения их внука Муслима. По еще одной семейной легенде, заболел он из-за того, что искупался в ледяной реке, спасая упавшую туда жену. И хотя Муслим Магомаев знал своего деда только по рассказам бабушки, отца и других родственников, тот навсегда остался для него образцом того, каким должен быть мужчина. И по правде сказать, проживи Абдул Муслим подольше, увидь он внука, он бы порадовался – Муслим был похож на него и талантом, и жизнелюбием, и характером, и всем своим отношением к жизни.

Каким был мой дед в жизни? Со слов родных я знаю, что был он человеком очень щедрым, всегда готовым помогать людям. Сохранилось письмо Узеира Гаджибекова, где он благодарит своего друга Муслима за помощь: «…Я имею возможность спокойно заниматься своим делом, в результате чего я поступил в консерваторию; всем этим я обязан исключительно твоему искреннему желанию помочь мне; ради исполнения этого желания ты принес в жертву свой покой и здоровье, сумею ли я за это тебя отблагодарить?..» Это письмо написано в 1914 году из Петербурга, куда Узеир Гаджибеков уехал, чтобы продолжить образование в консерватории.

Дружить дед умел, мог сделать широкий сердечный жест.

Мало кто у нас знает, что идея написать оперу на сюжет «Кер-оглы» пришла одновременно и Магомаеву и Гаджибекову. Когда дед узнал об этом, он порвал начатую партитуру и сказал: «Узеир напишет лучше».

А еще был он человеком веселым: в отличие от друга Узеира позволял себе гульнуть на славу. Когда Зульфугар Гаджибеков (брат Узеира), тоже с грешком «весело пожить», заезжал за дедом на тогдашнем такси – фаэтоне, они с озабоченными физиономиями начинали объяснять бабушке, что едут по неотложным музыкальным делам в театр, в оперу. Но как только фаэтон исчезал из поля зрения махавшей вслед им Байдигюль, маршрут резко

менялся. Курс был в знакомый любимый ресторанчик, завсегдатаями которого были бакинские актеры, музыканты, ашуги, мугаматисты. Дед неплохо зарабатывал, учительствуя в школе, и позволял себе не только кутнуть, но и заплатить за друзей, особенно если за столиком ресторана оказывались неимущие музыканты. На высоком градусе застолья гуляки брали у хозяина заведения револьверы и начинали палить по горлышкам бутылок, как разгулявшиеся ковбои в старых американских салунах. Владелец ресторана не возражал – Магомаев за все заплатит с лихвой. На то он и Муслим-бек!

У Абдул Муслима и Байдигюль было два сына, младший из которых звался Магометом Магомаевым. Был он, как и все в их семье, человеком очень одаренным и разносторонним, конечно, очень любил музыку, прекрасно играл на рояле и хорошо пел. Но профессией своей он выбрал другой вид искусства – живопись. Он стал театральным художником, оформлял спектакли и именно там, в театре, встретил свою будущую жену, молодую актрису Айшет Ханжалову (известную под сценическим псевдонимом Кинжалова). Они не могли не понравиться друг другу. Оба яркие, красивые, честолюбивые, любящие быть в центре внимания. В ней, как и в нем, была намешана кровь разных национальностей – ее отец был турок, а мать наполовину адыгейка, наполовину русская. Она тоже любила музыку, прекрасно пела, аккомпанировала себе на аккордеоне. Именно от нее и унаследовал свой прекрасный голос их сын Муслим.

Магомет и Айшет встретились в Майкопе, где она играла в театре, а он, как художник, оформлял спектакль. Роман закрутился быстро, вскоре они уже уехали в Баку и поженились. А еще спустя немного времени Магомет ушел на фронт. Их семья была в фаворе у азербайджанских властей, и ему ничего не стоило бы получить бронь и остаться дома. Но разве в семье Магомаевых кто-нибудь мог быть трусом, желающим отсидеться в тылу, когда его Родина сражается? Магомет ушел на войну, дошел почти до самого Берлина и погиб всего за девять дней до победы, вытаскивая из-под обстрела раненого товарища.

Спустя много лет Муслим Магомаев нашел в Польше, в Западном Поморье, могилу своего отца. Точнее даже не его могилу, а огромное братское захоронение на кладбище в Хойне – три тысячи девятьсот восемьдесят пять солдат, из которых удалось опознать только около шестисот. Но в эти шесть сотен попал и Магомет Магомаев. Муслиму предложили перезахоронить его останки на родной земле, на что он ответил: «По-моему, он лежит не в чужой земле» – и оставил отца среди его товарищей, вместе с которыми тот принял смерть, защищая и своих, и чужих – как и положено воину.

Странно, но его работ у нас не осталось – ни живописи, ни рисунков, даже никаких набросков. Потом я узнал, что после завершения театральной постановки или выхода мультфильма (он освоил и новую еще тогда специальность мультипликатора) отец уничтожал все наброски – наверное, считал, что раз все состоялось, то и не надо никаких эскизов, никаких архивов…

Был отец человеком непростым, противоречивым. Даже на фотографиях он разный – от красавца до средней привлекательности человека. Настолько он был изменчивым.

Хотя друзья помнили его красивым. Был он очень легким на подъем (в этом я на него совсем не похож: для меня каждый раз собраться на гастроли – проблема). Умница, жизнелюб, он любил и потанцевать, любил и подраться из-за женщины. Если где-то замечался шум, куча-мала, то там обязательно ищи Магомета… Увлекающийся, упрямый, драчливый, но в душе поэт. То легкомысленный, то яростно-непоколебимый и суровый в своих принципах… Не отсюда ли его преждевременная гибель?.. От меня, чтобы не травмировать, долго скрывали, что отца уже нет в живых, говорили, что он находится в длительной командировке. Только лет в десять-одиннадцать, когда я уже стал многое понимать, мне сказали правду.

От деда отец унаследовал мужественность, которая уживалась с жуирством. Ценил порыв. Отвечал за слово. Был честолюбив. Так и остался романтиком. Именно такой человек должен был бросить все и буквально ринуться на фронт.

После гибели Магомета Байдигюль уговорила невестку оставить Муслима у нее года на три. Она убедила Айшет, что так будет лучше для мальчика – ему надо было учиться в музыкальной школе, что при ее кочевом актерском образе жизни было бы довольно сложно. Та согласилась, тем более она и сама понимала, что даже ради сына не сможет долго усидеть на одном месте. Она то и дело меняла театры, переходила из одной труппы в другую, причем никто и никогда ее не выгонял и не увольнял, просто ей самой так было комфортнее. Она была очень экстравагантна и не терпела ограничений – «ярко выраженная актриса и в жизни, и на сцене», как вспоминал о ней Муслим. Так она и моталась по всей стране, время от времени как снег на голову сваливаясь к родственникам мужа в Баку. Обнимала сына, гостила неделю-другую и снова исчезала.

Но спустя какое-то время Айшет снова потребовала, чтобы сына отдали ей, и напомнила, что согласилась оставить его у бабушки лишь на время. Байдигюль со своей стороны уперлась намертво – отдавать внука она не собиралась. Она давила на сознательность невестки, говорила, что брат Магомета Джамал практически заменил Муслиму отца, нельзя их разлучать, вновь напоминала, какой «цыганский» образ жизни ведет Айшет, разве ребенок может получить приличное образование и воспитание, когда он то и дело переезжает с места на место. К тому же Джамал был немаленьким человеком в Баку, он был крупный партийный деятель, занимал пост заместителя председателя Совета Министров Азербайджана и, конечно, мог дать любимому племяннику куда больше различных благ, чем мать-актриса.

Айшет вроде бы согласилась с ее доводами и в очередной раз собралась уезжать. Муслим в сопровождении Марии Григорьевны – женщины, помогавшей бабушке по хозяйству, пошел ее проводить. А на вокзале мать просто посадила его в поезд и увезла. Была ли Мария Григорьевна посвящена в ее планы или Айшет обвела ее вокруг пальца так же, как Байдигюль и Джамала, Муслим Магомаев так и не узнал, хотя поддерживал с ней отношения и много лет спустя, даже когда стал звездой. Скорее всего, он не слишком-то стремился узнать, потому что понимал – в той ситуации обе, и мать, и бабушка, были правы, каждая по-своему.

Из Майкопа мы поехали в Вышний Волочек, где мать играла в местном театре. Я смотрел из окна вагона на новый для меня мир. С удивлением замечал, как откатывали горы, земля выравнивалась в степи. Мелькали станции и полустанки. Из бакинской жары мы въехали в промозглую осень, а затем в суровую русскую зиму. Я проснулся утром, и глазам стало больно от неожиданной белизны: всюду был снег.

Волочек встретил нас лютым холодом. Густели синие сумерки, люди кутались в воротники и шали, над ними вился пар, а мне было весело: под ногами скрипел снег, который я никогда не видел.

Ехали мы в город, а приехали в большую деревню с потемневшими избами, с оконцами, заложенными ватой, с горшками герани на подоконниках.

Мама, оставив меня одного, убежала в театр «отмечаться». А я смотрел сквозь заиндевевшее окно на сиреневый сумеречный снег и вдруг вижу: на меня оттуда тоже кто-то глядит. Рассмотрел смешливые рожицы ребят. Мы уставились друг на друга. Оказывается, они уже знали, что приехал какой-то пацан откуда-то с южного моря, с югов, с Баку, как они говорили потом про мой город.

Что они до того знали про Баку, про Азербайджан? То, что по улицам этим заморским текут не реки, а нефть, бензин. Я уже не говорю о том, что они не могли правильно выговорить название моей республики. (Хотя выговорить слово «Азербайджан» не могли у нас и

иные генсеки и президенты. Но в моем случае было иначе: я быстро научил ребят говорить правильно.)

Тогда впервые проявилось качество, которое и впоследствии немало помогало Муслиму Магомаеву в жизни: он легко сходился с незнакомыми людьми, более того – людьми, воспитанными в другой культуре, и вскоре начинал чувствовать себя среди них абсолютно «своим». Он быстро подружился с местными мальчишками и в тот же день носился вместе с ними, перекидываясь снежками, хотя еще несколько дней назад знал о снеге только по книжкам и рассказам.

Там, в Вышнем Волочке Муслим пошел в местную музыкальную школу продолжать учиться – Айшет не меньше его родственников по отцу ценила музыкальные таланты сына и гордилась тем, что он унаследовал их от нее (хотя сам он говорил, что от матери получил голос, а от семьи отца – общую музыкальность). И в этой школе он встретил человека, которого потом помнил всю жизнь и которому даже с гастролей, будучи уже любимцем всего Союза, продолжал писать письма – своего любимого педагога, Валентину Михайловну Шульгину.

Она осталась для него непревзойденным образцом Учителя с большой буквы – мудрая, терпеливая, талантливая, разносторонняя, а кроме того, просто прекрасный, щедрой души человек. Кроме музыкальной школы она еще работала в театре – подбирала музыкальное оформление к спектаклям, а также руководила местным хором. Муслим ходил с ней на спектакли и вскоре так увлекся театром, что подбил местных ребят поставить кукольный спектакль «Петрушка».

Но от Валентины Михайловны он получил не только любовь к театру. Под ее руководством он делал такие успехи, что сдал экзамен и перепрыгнул в музыкальной школе через один класс. Похоже, Валентина Михайловна нашла к Муслиму единственно верный подход – она не пыталась заключить его в жесткие рамки, а поощряла и развивала как его способности, так и его лучшие человеческие качества. Она обучала его как ребенка, но относилась к нему серьезно как ко взрослому музыканту. И когда Муслим с невероятным для ребенка нахальством трактовал музыкальные произведения по-своему, она не только не пыталась заставить его «быть как все», а, наоборот, сказала: «В девять лет иметь свое музыкальное мнение – это совсем неплохо и ко многому обязывает».

Муслим Магомаев прожил в Вышнем Волочке всего лишь около года, но это был очень важный год. Новые люди, новые знания, испытания и закалка характера… Но главное, именно там, в Вышнем Волочке, он осознал себя не только азербайджанцем, но еще и русским. Нет, конечно, он навсегда остался бакинцем, конечно, помнил, сколько разных национальностей в нем намешано, конечно, Азербайджан продолжал быть его горячо любимой родиной, но как будущий великий русский певец Муслим Магомаев родом именно оттуда – из Вышнего Волочка. Там он понял, что такое русская душа, и там впитал в себя истинный русский дух, который потом звучал в его песнях, не оставляя ни одно сердце равнодушным.

Глава 2

Мне часто вспоминается случай, который навсегда сдружил меня с оперным театром… Было время школьных каникул… Я стоял у входа в театр под афишей, которая извещала о постановке оперы Джузеппе Верди «Риголетто». У меня не было тогда с собой денег, и я выменял билет у какого-то мальчишки, отдав ему взамен свою самую любимую вещь на свете – перочинный ножик. Домой я вернулся под сильным впечатлением увиденного и услышанного…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.